
WSCHODNI ROCZNIK HUMANISTYCZNY
TOM XVII (2020), №4
s. 131-144
doi: 10.36121/swiech.17.2020.4.131

Станислав Вех
(Университет Яна Кохановского в Кельцах)
ORCID 0000-0001-7057-2870

Конфессиональная политика генералов-губернаторов виленских в 1860–1870-х годах*

Аннотация: После краха Январского восстания в Литве и Беларуси произошел коренной перелом в религиозной политике российских властей. Важную роль в создании этой новой политики сыграли вильнюсские генерал-губернаторы. Поскольку католическая церковь и духовенство считались наиболее значительными бастионами польской и латинской культуры, репрессивная религиозная политика была наложена на католическое население. Репрессии и ограничения в отношении католической церкви приняли форму ликвидации Минской епархии, закрытия католических церквей и монастырей, а также наложения многочисленных запретов и ограничений на религиозную практику. В результате новой политики произошло резкое сокращение населения католиков, а также сокращение числа духовенства, а также социальная и экономическая деградация церкви. Противоположные цели и задачи были поставлены перед Православной Церковью. Российские власти поддерживали создание новых приходов, строительство церквей, создание монастырей, расширение владения и жалования священников. Программа возвращения Литвы и Беларуси к их русским корням интенсивно продвигалась в 60-е и 70-е гг. XIX века. Она предполагала, что православная вера будет главной основой для построения новой национальной, культурной и политической идентичности. Самой большой жертвой этой программы стало польское население, польско-латинская культура и католическая церковь.

Ключевые слова: конфессиональная политика, Римско-католическая церковь, история Польши XIX в., история России XIX в.

Religious policy of Vilnius generals-governors in the 1860s and 1870s

Summary: After the collapse of the January Uprising in Lithuania and Belarus, a fundamental change in the religious policy of the Russian authorities occurred. The Vilnius generals-

---

* Текст создан при финансовой поддержке Национального Научного Центра, программы Opus 7, № договора УМО-2014/13 / В/HS3 / 04964.

governors played an important role in creation of that new policy. Since the Catholic Church and clergy have been considered the most significant bastions of Polish and Latin culture, the repressive religious policy was imposed on the Catholic population. The repressions and restrictions against the Catholic Church took the shapes of liquidation of the Diocese of Minsk, closure of Catholic churches and monasteries, and the imposition of numerous prohibitions and restrictions on religious practices. As the result of the new policy a drastic decline in the population of the Catholics occurred, so as a reduction in the number of the clergy, and the social and economic degradation of the Church. The opposite goals and tasks were set towards the Orthodox Church. The Russian authorities supported the creation of new parishes, building of churches, creation of monasteries, expansion of the state of possession and the salary of priests. The programme of returning Lithuania and Belarus to their Russian roots, pushed intensively in the 60s. and 70s. of the 19th century, assumed that the Orthodox faith would be the main basis for building a new national, cultural and political identity. The biggest victim of that programme was the Polish population, the Polish-Latin culture and the Catholic Church. **Keywords:** religious policy, Catholic Church, history of Poland 19th century, history of Russia 19th century.

Polityka wyznaniowa general-gubernatorów wileńskich w latach 1860-1870

Streszczenie: Po upadku Powstania styczniowego na Litwie i Białorusi nastąpiła zasadnicza zmiana w polityce religijnej władz rosyjskich. W tworzeniu nowej polityki ważną rolę odegrali wileńscy general-gubernatorzy. Kościół i duchowieństwo katolickie uznano za najważniejsze bastiony kultury polskiej i łacińskiej, dlatego wobec ludności katolickiej narzucono represyjną politykę religijną. Represje i restrykcje wobec Kościoła Katolickiego przybrały postać likwidacji diecezji mińskiej, likwidacji kościołów i klasztorów katolickich oraz nałożenia licznych zakazów i ograniczeń praktyk religijnych. W wyniku nowej polityki nastąpił drastyczny spadek liczby katolików, a także zmniejszenie liczebności duchowieństwa oraz degradacja społeczna i ekonomiczna Kościoła. Przeciwnie cele i zadania postawiono Cerkwi Prawosławnej. Władze rosyjskie wspierały tworzenie nowych parafii, budowę kościołów, zakładanie klasztorów, rozszerzenie stanu posiadania i uposażenia księży. W latach 60-ch i 70-ch XIX wieku intensywnie forsowany był program powrotu Litwy i Białorusi do ich rosyjskich korzeni, który zakładał, że wiara prawosławna będzie główną podstawą budowania nowej tożsamości narodowej, kulturowej i politycznej. Największą ofiarą tego programu była ludność polska, kultura polsko-łacińska i Kościół Katolicki.

Słowa kluczowe: polityka religijna, Kościół Katolicki, historia Polski XIX wieku, historia Rosji XIX wieku.

Польское общество в западных губерниях Российской империи очень остро ощутило изменения, которые после подавления Январского восстания российские власти ввели в рамках политических репрессий. Поскольку церковь и католическое духовенство были обвинены в поддержке и участии в Январском восстании, поэтому было решено лишить его какого-либо влияния и изменить направление в конфессиональной политике¹. Это изменение заключалось в разграничении двух основных векторов. Одним из них стала борьба с духовенством и католической

---

¹ См. М. Долбилов, *Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*, Москва 2010, с. 247-270; А. Ю. Бендин, *Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863-1914 гг.)*, Минск 2010, с. 4-6.

церковью, которые считались бастионами влияния польской и латинской культуры. Вторым вектором стала поддержка православной церкви.

Общая программа, а также конкретные цели новой конфессиональной политики в значительной степени были выработаны на заседании Западного комитета, который был создан еще осенью 1862 г.² Значительную роль в создании концепции и запуске механизмов принятия решений сыграли также виленские генерал-губернаторы, в частности Михаил Николаевич Муравьев и Константин Петрович фон Кауфман. На заседании Западного комитета в мае 1864 года был принят выдвинутый Муравьевым постулат о том, что Северо-Западный край не может „быть признан польским, и дозволить [...] развиваться в нем польскому элементу, [...] чтобы в крае отнюдь не было допускаемо ни малейших признаков польской пропаганды“³. Принятие требований Муравьева означало принятие репрессивных мер против церкви и католического духовенства.

Одним из первых репрессивных актов Муравьевым был издан 11/23 июля 1864 г. циркуляр, предусматривавший ведение строгого надзора и государственного контроля над католическим духовенством⁴. Из содержания циркуляра следовало, что священники принадлежали к вредному сословию и социально были бесполезны. Распоряжение Муравьева также было направлено на сокращение числа священников. Муравьев, среди прочего, требовал введения запрета на прием клериков (новициатов) в монастыри, определения в семинариях комплекта, свыше которого не было возможным допускать приема учеников, и установления строгого надзора за всеми священниками. В циркуляре также напоминалось, что все рукоположения в монахи и священники требуют согласия власти, а об их месте и времени должны быть проинформированы полицейские власти. Аналогичные меры были введены и в отношении клириков в духовных семинариях. Без согласия виленского генерал-губернатора нельзя было принимать новых кандидатов, а те клерики, которые уже поступил в семинарию, были взяты под особый надзор⁵.

Комплексное решение проблемы существования католических монастырей в Литве и Белоруссии было решено совместить с масштабным проектом ликвидации монастырей в Царстве Польском, подготовленным статс-секретарем Николаем Алексеевичем Милютиным⁶. На совместных заседаниях Западного комитета и Комитета по делам Царства Польского было принято решение закрыть

² S. Wiech, *U źródeł drugiego Komitetu Zachodniego. Sprawa polska na Ziemiach Zabrzanych w latach 1860-1862*, „*Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej*”, 2019, t. 54, z. 1, s. 147-173.

³ Российский Государственный Исторический Архив (далее: РГИА), фонд (далее: ф.) 1267, опись (далее: оп.) 1, дело (далее: д.) 27, л. 92; ф. 1282, оп. 2, д. 346, л. 24; S. Wiech, *Depolonizacja Ziemi Zabrzanych (1864-1914). Koncepcje – mechanizmy decyzyjne – realizacja*, t. 1, *Litwa i Białoruś. Od Murawojowa do Baranowa (1864-1868)*, Kielce 2018, s. 206.

⁴ РГИА, ф. 1284, оп. 189, д. 1354, л. 14-16; S. Wiech, *Depolonizacja Ziemi Zabrzanych ...*, s. 232-236.

⁵ См. А.И. Миловидов, *Распоряжения и переписка гр. М.Н. Муравьева относительно римско-католического духовенства в Северо-Западном крае*, Вильна 1910, с. 22-23, 26; А. И. Ганчар, *Римско-католическая церковь в Беларуси (вт. пол. XIX – нач. XX вв.). Исторический очерк : монография*, Гродно 2010, с. 109.

⁶ S. Wiech, *Kasata klasztorów w Królestwie Polskim w 1864 r. w świetle wspomnień i relacji Dimtrija Anuczina*, w: *Życie zakonne w Królestwie Polskim w latach 1832-1864. Polityka caratu – Kasaty – Represje*, red. ks. W. Graczyk, J. M. Marszalska, Kraków 2015, s. 9-36.

на польских землях около двухсот монастырей. Начавшаяся в 1864 г. акция закрытия монастырей привела к тому, что в 9 западных губерниях Российской империи из числа 50 так называемых штатных монастырей осталось в 1867 году только 18 (12 мужских и 6 женских), что означало сокращение их количества на 2/3⁷.

Ликвидация монастырей означала захват церковных ценностей государственной казной, а также экономическую и социальную деградацию католического духовенства. Важным элементом ограничения прав и свобод духовенства и католической церкви было введение новых требований закона, а также военного, полицейского и государственного контроля. По приказу Муравьева принятие священнических рукоположений было обусловлено положительно сданным экзаменом и полным знанием русского языка. Аналогичным образом любое назначение на должности настоятелей приходов, деканов, настоятеля монастыря и других священнослужителей требовало одобрения государственных органов и положительного мнения полицейских властей о политической благонадежности⁸. Уездные военные начальники обязаны были собирать сведения и вести записи (досье) об отношении светского и монашеского духовенства. Эта документация должна была стать основанием для выдачи или отказа в разрешении временно покинуть монастыри или границы прихода. Под угрозой строгих денежных наказаний все настоятели приходов, деканы и начальники мужских и женских монастырей были обязаны следить и контролировать действия священников и сообщать государственным властям о любых нарушениях государственного и церковного порядка⁹.

Другим постановлением по делам католического духовенства был изданный Муравьевым циркуляр от 10/22 марта 1865 года о запрете приема священниками на службу лиц православного вероисповедания и наказании за такие проступки штрафом в размере 25 рублей.

Необходимость издания этого постановления объяснялась тем, что „римско-католическое духовенство стремилось постоянно распространить всеми зависящими от него средствами польскую пропаганду в здешнем крае и с целью совращения в латинство [...] принимает к себе в услужение людей православного исповедания”¹⁰.

В борьбе с католической церковью важной для русских властей задачей был разрыв связей, существующих между духовенством и жителями литовско-белорусских губерний. Наиболее эффективным, но также и самым решительным способом достижения этой цели было закрытие католических храмов, изгнание и изоляция священников, ликвидация приходов, монастырей и религиозных братств. Предполагалось, что население, лишенное такого служения священства и обреченное на множество трудностей в проведении религиозных обрядов, будет готово быстро перейти в лоно православной церкви и подчиниться влиянию русской культуры. Такие надежды выражены, среди прочего, Муравьевым, который за несколько месяцев до своей отставки изложил в апреле 1865 г. царю

⁷ См. M. Radwan, *Zakony miejskie na ziemiach zabranych w XIX wieku*, Lublin 2004, s. 27, 106-121.

⁸ РГИА, ф. 1284, оп. 189, д. 1354, л. 15.

⁹ S. Wiech, *Depolonizacja Ziemi Zabranych ...*, s. 232-236.

¹⁰ *Ibidem*, s. 236-237.

Александр II свои взгляды на внутреннюю политику в отношении Литвы и Белоруссии, в том числе и в конфессиональной сфере¹¹.

В адресованной царю записке Муравьев требовал от государя разрушить существующую и закрепившуюся в Литве и Белоруссии религиозно-национальную сплоченность, скрывающуюся под термином „поляк-католик“. По мнению виленского генерал-губернатора, это следовало сделать, борясь с католической церковью и поддерживая православную церковь. Укрепленная и подпадающая под государственную защиту православная церковь должна была стать для жителей Литвы и Белоруссии колыбелью и срубом построения новой русской идентичности и национальности. Условием перестройки в национальной идентичности была деградация важнейшего конкурента, которым оставалась католическая церковь. Его уничтожение следовало осуществить, продолжая политику репрессий. Необходимым было сочтено введение запрета на строительство католических часовен и церквей и доступ священников в народные школы. Муравьев также требовал соблюдения строгих ограничений и наказаний за всевозможные нарушения правил, в том числе за отказ давать обеты смешанным бракам, за проповеди без согласия государственных органов, за выход из прихода, организацию крестных ходов, религиозных торжеств и т. д. Он также требовал введения над духовенством постоянного и строгого полицейского контроля.

Свое политическое кредо в отношении конфессиональной политики Муравьев повторил в последнем докладе, поданном в мае 1865 г. в руки Александра II¹². В нем он обратил внимание на необходимость постоянной материальной поддержки православной церкви. Он также указал на источники финансирования, утверждая, что с наложенного на польских помещиков контрибуционного (процентного) налога было выделено уже 400 тыс. рублей, которые в виде постоянной субсидии должны ежегодно передаваться на нужды православного духовенства. За счет польского общества должен был также финансироваться план строительства новых храмов, на что из контрибуционного налога была зарезервирована сумма в 500 тыс. руб.

Муравьев, выступая за политику ослабления католической церкви, повторил свои прежние требования поддерживать запреты и ограничения в отношении строительства католических церквей и часовен, организации религиозных процессий, назначения церковных должностей, перемещения католического духовенства, посещения семинарий и религиозных собраний. Прославляя свои достижения, он напомнил царю, что во время его двухлетнего правления в Литве и Беларуси было построено и восстановлено более 100 церквей, а государственный бюджет нисколько не пострадал, так как все расходы, связанные с этими работами, были покрыты польским дворянством и католическим духовенством.

Муравьев также не пожалел денег на пропаганду православной веры среди жителей других конфессий. По его словам, для этой цели в Литве и Беларуси было роздано более 100 тысяч изображений православных святых, напечатано около 60

¹¹ „Русский Архив“ 1885, № 6, с. 197-199.

¹² Государственный Архив Российской Федерации (далее: ГА РФ), ф. 109, 1 экспедиция, оп. 40, 1865, д. 77, л. 1-47; ф. 543, оп. 1, д. 464, л. 1-49; Отчет графа М.Н. Муравьева по управлению Северо-Западным краем с 1 Мая 1863 г. по 17 Апреля 1865 г. [Вильна1865?]

тысяч православных молитвенников, проведена пропаганда ношения на груди православных крестов.

Виленский генерал-губернатор, определяя будущее направление в конфессиональной политике, убеждал царя Александра II в том, что политика религиозной терпимости совершенно неверна. Такая политика, утверждал он, позволит „римско-католической пропаганде проникать всеми возможными путями к достижению преступной цели – ополячения и окатоличения края: ибо католическая вера того края не вера, а политическая ересь; римско-католические епископы, ксендзы и монахи не составляют духовенства, а политических эмиссаров. [...] Поэтому, – убеждал Муравьев, – необходимо зоркое за ним [духовенством] наблюдение и наложение денежных штрафов за всякое нарушение установленного порядка. Вот единственная и необходимая система, без которой не остановится латино-польская пропаганда: она, как волк, врывается в наше православное стадо”¹³.

К успеху в этой борьбе Муравьев относил закрытие многих католических церквей и часовен и освобождение в 1864 году из-под влияния католической церкви 12 тысяч верующих, вновь вернувшихся в лоно православной церкви. Муравьев при этом предупреждал, что если усилиями правительства навсегда в Северо-Западном крае не воцарится русскость и православие, то в будущем сепаратистские идеи даже силой остановить не удастся.

Поставленные Муравьевым цели и направления в конфессиональной политике, а также выработанные методы поддержки православной церкви при одновременной борьбе с католической церковью продолжил его преемник на посту виленского генерал-губернатора Константин Петрович фон Кауфман. Свое отношение к католической церкви Кауфман довольно быстро раскрыл, выпустив 29 октября / 10 ноября 1865 г. и 10/22 февраля 1866 г. два циркуляра по удалению польского языка из процесса преподавания¹⁴. В первом из них предписывалось вести преподавание всех предметов в духовных семинариях исключительно на русском или латинском языке. Во втором циркуляре запрещено использование польского языка и в практических упражнениях, „так как язык этот для здешнего населения, как и для всей Ковенской губернии и епархии, есть язык иностранный, и употребление его должно быть воспрещено безусловно во всей семинарии, даже и в разговоре воспитанников между собою”¹⁵.

Полный спектр задач и целей, которые Кауфман поставил перед собой в конфессиональной политике в Литве и Белоруссии, был разработан Ревизионной комиссией по делам римско-католического духовенства¹⁶. В состав Ревизионной комиссии вошли преданные российским властям священники, в частности, администратор Виленской епархии о. Петр Жилинский, монсеньор Антон Немекша и ректор Виленской духовной семинарии Эдуард Тупальский.

¹³ S. Wiech, *Depolonizacja Ziem Zabrzanych ...*, s. 260.

¹⁴ РГИА, Ф. 1284, Оп. 189, Д. 1354, л. 19-20.

¹⁵ S. Wiech, *Depolonizacja Ziem Zabrzanych ...*, s. 293.

¹⁶ См.: Z. Olszamowska-Skowrońska, *U źródeł rusyfikacji Kościoła na Litwie po r. 1863*, „Przegląd Powszechny” 1931, t. 189, s. 211-224, 346-363; 1931, t. 190, s. 87-94; D. Stalinas, *Kalba ar konfesija? Sumanymas įvesti rusų kalba vakarų krašto pridėtinėse katalikiškose pamaldose*, „Lietuvos istorijos metraštis”, Vilnius 2000, s. 125-137; S. Wiech, *Depolonizacja Ziem Zabrzanych (1864-1914)...*, s. 144-146, 150.

Назначенная Кауфманом в 1865 г. Ревизионная комиссия под председательством Алексея Стороженко должна была по предложению виленского генерал-губернатора подготовить такие проекты реформ, которые бы позволили очистить церковь и католическое духовенство от влияния польской культуры и сделать ее зависимой от государства и русской культуры. Комиссия проектировала, между прочим, ослабление структур католической церкви путем упразднения Минской епархии, ликвидацию церковных братств, введение в консистории комиссаров от правительства, реформу духовных семинарий и преобразование Санкт-Петербургской духовной академии в богословский факультет при университете¹⁷.

Одним из главных вопросов, рассматриваемых Ревизионной комиссией, стал проект введения русского языка в литургию католической церкви¹⁸. Он не получил полного одобрения, так как члены комиссии не были единодушны в этом вопросе. Часть, выступающая за проведением реформы, утверждала, что устранение польского языка из литургии католической церкви в конечном счете сотрет следы полонизации литовских земель, что было очень важно, поскольку язык литургии, по мнению многих русских деятелей, обозначал в Северо-Западном крае невидимые границы Речи Посполитой 1772 года¹⁹. Противники реформы обращали внимание на то, что с введением русского языка в католическую церковь российские власти фактически приравнивали католицизм к православию, что, в свою очередь, может привести к тому, что католицизм на русском языке будет иметь в Российской империи возможность экспансии и станет реальной угрозой для населения и православной церкви. Наконец, некоторые выразили мнение, что деполонизация может быть достигнута путем замены польского языка на латынь или введения в литургию «белорусского наречия»²⁰.

Разногласия по поводу последствий реформы литургии в католических церквях отмечались и на страницах мнительной русской прессы²¹. Отсутствие консенсуса среди членов комиссии, а также уход Кауфмана из Вильно привели к тому, что радикальная реорганизация католической церкви застряла в начальной стадии, а реализация идеи введения русского языка в литургию была отложена на некоторое время²². Тем не менее, Ревизионной комиссии удалось выработать общую позицию по ликвидации всех церковных братств, существующих при

---

¹⁷ T. J. Martynow, *O wprowadzeniu języka rosyjskiego do obrzędów religii katolickiej na Litwie i w Polsce zamierzonym przez rząd moskiewski*, (z franc. tłum. J. Bojarski), Lwów 1874, s. 38-40; *Litwa pod względem przesładowania w niej rzymsko-katolickiego Kościoła szczególnie w diecezji wileńskiej od roku 1863 do 1872*, Poznań 1872, s. 17-18.

¹⁸ I. Wodzianowska, *Wytyczne Komisji do spraw duchowieństwa w sprawie zwalczania katolicyzmu w generał-gubernatorstwie wileńskim (1866-1868)*, w: *Kościół a państwo na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim. Źródła i stan badań*, red. M. Kietliński, K. Sychowicz, W. Śleszyński, Białystok 2005, s. 173-198; S. Wiech, *Epoka reakcji i „pieriedyszki”*. *Wileńscy generałowie-gubernatorzy wobec problemu polskiej własności ziemskiej w latach 1864-1884*, „Kwartalnik Historyczny”, t. 115, 2008, nr 2, s. 61-63.

¹⁹ Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas (далее: LVIA), fondas (далее: f.) 378, ap. BS, 1866, d. 2279, k. 45.

²⁰ Ibidem, k. 47.

²¹ См. „Новое Время” 1868, № 250; 1869, № 73; „Kraj” (Kraków) 1869, nr 29.

²² LVIA, f. 378, ap. BS, 1866, d. 1340, k. 45. См. тоже: J. Przybyszewski, *Język rosyjski w katolickim rytuale i w dodatkowym nabożeństwie*, Lwów 1897, s. 46; J. Titius, *Ze wspomnień doktora J. Titiusa*, „Przegląd Wileński”, 1922, nr 9-10, s. 2.

римско-католических церквях в Литве и Белоруссии. Окончательное решение о закрытии, за исключением братства Святого Мартина при церкви Святой Анны в Вильно, всех 193 церковных братств (78 в Виленской губернии, 62 в Гродненской, 29 в Минской и 24 в Витебской) было принято уже после того, как Кауфман покинул Вильно²³.

Важным успехом Кауфмана в борьбе с влиянием польской культуры стало постановление Ревизионной комиссии о создании в марте 1866 года специального отделения для перевода молитвенников, проповедей и ритуалов на русский язык. Таким образом предполагалось вывести польский язык из наиболее часто употребляемых и читаемых населением религиозных текстов. Финальным результатом работы стала изданная в Вильно в 1869 году русскоязычная версия используемой духовенством книги для богослужений „Rituale Sacramentorum”. Русский «ритуал» (от его названия возник термин «ритуальные священники», то есть ксендзы, преданные властям) под новым названием „Требник” должен был вытеснить польское влияние, так как польский язык был полностью удален из литургических текстов и заменен на русский, а литовские и латышские тексты были написаны русскими буквами.

Борьбе с польской пропагандой служил также изданный 5 февраля 1866 года Кауфманом циркуляр, запрещающий в городах и сельских поселениях организовывать крестные ходы и религиозные процессии за стенами церквей²⁴. На религиозные шествия, как и на обычаи католической церкви, и даже церковные праздники, Кауфман смотрел как на проявления „распространения латинско-польской пропаганды”. Таким образом циркуляр вписывался в поток репрессий, целью которых было устранение вредных, по мнению российских властей, свойств и обычаев католической церкви²⁵.

По указанию Муравьева Кауфман также добивался укрепления позиций и материальной поддержки православного духовенства. Доказательством этого стало введение 25 мая /6 июня 1866 г. новых нормативных актов, на основании которых православным священникам, служащим в школах Виленского и Киевского учебных округов, было предоставлено служебное пособие в размере 50% от получаемого вознаграждения. Это пособие выплачивалось из специально созданного фонда в размере 784 858 руб. 44 коп. Сам фонд, учрежденный еще при Муравьеве (8/20 июля 1863 г.), состоял из контрибуционных налогов, взимаемых с польских землевладельцев²⁶.

Однако наибольших достижений в борьбе с католической церковью добился Кауфман на поле религиозной конверсии. В отличие от Муравьева Кауфман был сторонником организации при участии государственной администрации массовых акций перехода католиков в православие, которые в середине 60-х гг. XIX в.

²³ S. Wiech, *Depolonizacja Ziemi Zabranych...* s. 146.

²⁴ РГИА, ф. 1284, оп. 189, д. 1354, л. 54.

²⁵ См.: РГИА, ф. 922, оп. 1, д. 243, л. 44; ф. 1284, оп. 190, д. 84, л. 89-93.

²⁶ См.: О производстве добавочного жалования Законоучителям Православного исповедания в учебных заведениях ведомства Министерства Народного Просвещения в Западном крае, „Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе”, т. 41, Отделение 1, 1866, Санкт-Петербург 1868, № 43335, с. 594.

достигли в Литве и Белоруссии своего апогея²⁷. Акции коллективных конверсий стали возможны только благодаря включению в миссионерскую деятельность государственного аппарата и активности в этом деле православной церкви. Почти открыто объяснено, что благодаря усердной миссионерской деятельности духовенства, участия военных начальников, жандармерии и полицейских властей возможным будет вытеснение католицизма за Неман²⁸.

Наибольшие размеры вдохновленной российскими властями конверсии были зафиксированы в Виленской губернии, где акция массовых переходов началась из местечка Быстрица Виленского уезда. По приказу Кауфмана осенью 1865 г. в этом городе православному духовенству была передана католическая церковь, а все верующие автоматически считались последователями православной церкви. То же самое было сделано в следующих шести приходах Виленского и двух приходах Ошмянского уезда. Всего в период правления Кауфмана в Виленской губернии в православие перешло около 14 тысяч, а в Гродненской губернии около 11 тысяч католиков²⁹. Статистические отчеты свидетельствуют о динамике, которую Кауфман дал массовым переходам католиков в православие. Если в 1865 г. к конверсии принуждены были 4 254 католиков, то в 1866 г. – уже 49 498, в 1867 г. – 13 698, а в 1868 г. – 9 115 католиков, а это означало, что в период 1865–1868 гг. демографический потенциал православной церкви в литовско-белорусских губерниях увеличился за счет католической церкви на 76 565 неофитов³⁰.

После ухода Кауфмана из Вильно (октябрь 1866 г.) в конфессиональной политике в Литве и Белоруссии мало что изменилось. Новый генерал-губернатор Эдуард Баранов сосредоточился прежде всего на деталях, дополняющих действующие репрессии и ограничения. Постановлением от 8/20 декабря 1866 г. он запретил принятый в традициях католической церкви обычай развозить платки. Решение он аргументировал тем, что этот обычай „является формой латинско-польской пропаганды, проводимой и среди православного населения, которое склоняется к принятию оплатков“³¹. Через полгода циркуляром от 7/19 июля 1867 г. Баранов потребовал прекратить также распространенное в традициях католической церкви открытое подношение больным на улицах городов и сел Св. Даров в предшествии зажженного фонаря и звонков. И снова издание циркуляра объяснялось тем, что обычаи оказывают пагубное влияние на окружающую среду, а кроме того „подобный способ открытого ношения Св. Таин не употребителен даже и в господствующей (православной) церкви“³².

В следующем циркуляре от 3 октября 1867 года Баранов обязал губернаторов обратить внимание на погребальные церемонии католиков и запретить вешать черные флаги и траурные хоругви у ворот домов, где оплакивали умерших, „и

²⁷ D. Staliūnas, *Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия*, „Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis“, Vilnius, t. 26, 2005, p. 307–347.

²⁸ А.П. Владимиров, *Из новейшей летописи Северо-Западной России. (1865 г.)*, „Русская Старина“ 1885, № 10, с. 105.

²⁹ С. Самбук, *Политика царизма в Белоруссии во второй половине XIX в.*, Минск 1980, с. 145.

³⁰ См. Д. Сталюнас, *Роль имперской власти ...*, s. 310; А. Ю. Бендин, *Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.)*, Минск 2010, с. 32.

³¹ РГИА, ф. 1284, оп. 189, д. 1354, л. 78.

³² *Ibidem*, л. 74.

у двери костелов, в которых был назначен вынос покойника". Как объяснялось, это „производит вообще неприятное впечатление на жителей, [...] и может даже весьма вредно влиять на состояние общественного здоровья”³³.

Баранов имел свои возражения даже к похоронным церемониям католиков. В следующем циркуляре от 2/14 ноября 1867 года он определил понятие обычных и торжественных похоронных процессий. К первой категории он относил такие процессии, в которых участвовал только один священник, и несли только один крест. Если в похоронных процессиях участвовало больше священников или, кроме креста, несли еще и религиозные знамена, то такие шествия квалифицировались как торжественные и по этой причине требовали разрешения государственных властей (губернаторов, военных или полицейских начальников).

Свидетельством мелочности Баранова стал циркуляр от 5/17 октября 1867 г., запрещающий церковным служителям носить типичную для них одежду с религиозными знаками (эмблемами). Введение этого запрета Баранов объяснил тем, что „таких знаков не носят слуги и колокольчики православных церквей”³⁴. Как далеко продвинулись идеи в завершении существующих репрессивных актов свидетельствует внесенный Барановым в Ревизионную Комиссию в январе 1867 г. постулат запретить размещение в будущем на могилах и крестах надписи на польском языке. Комиссия, поддерживая идею борьбы с польской пропагандой, признала „что надписи на могилах христианских кладбищ, расположенных в русских губерниях, должны быть только на русском языке”.

Гораздо больший импульс в конфессиональной политике в Литве и Белоруссии внес преемник Баранова – Александр Львович Потапов. Благодаря ему был завершён выработанный ещё К.П. Кауфманом (Ревизионной комиссией) план ликвидации всех религиозных братств, действовавших при католических церквях. Результатом усилий Потапова была также ликвидация Минской епархии и тамошней семинарии. «Их существование, – как утверждал Потапов, – не оправдывала ни история, ни местные условия»³⁵. Минская епархия, административно присоединённая к Виленской, была подчинена чрезвычайно послушному администратору – прелату Петру Жилинскому³⁶, который внес существенный вклад в ослабление приходской сети в Белоруссии.

По инициативе Потапова, наконец, был возвращён вопрос о введении русского языка в католические богослужения. Созданный при МВД отдельный комитет, которым руководил председатель Комитета министров – Павел Павлович Гагарин, выработал окончательную форму проекта. Потапов, участвующий в работе комиссии, в частности, выразил убеждение, что после „замены в римско-католических богослужениях польского языка на русский, раз и навсегда будет разделена религиозная проблема от польского национального вопроса”³⁷.

³³ Ibidem, л. 60.

³⁴ Ibidem, л. 76.

³⁵ РГИА, ф. 1263, оп. 4, д. 46, л. 28. См. тоже: М. Долбилов, Русский край, чужая вера: ..., с. 603-612.

³⁶ См. P. Nitecki, *Biskupi Kościoła w Polsce w latach 965-1999. Słownik biograficzny*, Warszawa 2000, s. 489; A. Boudou, *Stolica Święta a Rosja. Stosunki dyplomatyczne między nimi w XIX stuleciu*, тл. Z. Skowrońska, т. 2, 1848-1883, Kraków 1930, s. 408, 440.

³⁷ РГИА, ф. 797, оп. 37, д. 156, л. 46.

Выпущенная 25 декабря 1869/6 января 1870 г. царем Александром II резолюция провозглашала, что „Государь Император, в отеческом попечении о своих верноподданных, без различия вероисповеданий, желая, чтобы те из них, которые родным языком своим считают русский, в том или другом его наречии, не были лишены права пользоваться им в делах своей религии, всемилостивейше разрешить соизволил произносить в иноверческих церквах проповеди и совершать дополнительное богослужение и молитвы на русском языке”³⁸.

Несмотря на введенные постановления, направленные на русификацию католической церкви, Потапов был готов также заявить, что „попытки ввести русский язык в Римско-Католическое богослужение, начатые с 1870 года, не сопровождались желаемым успехом. Римско-Католическое духовенство - утверждал он, - в большинстве случаев отнеслось к делу этому, как к нововведению, противному правилам Римско-Католической церкви и не освященному разрешению Папы. Народные массы, по внушению ли духовенства, или по собственному фанатическому побуждению, готовы были видеть в этой мере посягательство на святую веру и при всяком случае выказывали к ней явную враждебность. Ксендзы, приглашенные принять требник с русским переводом, или отказывались от этого, выражая готовность подвергнуться за то каким угодно карательным мерам, другие же, хотя и приняли, но за весьма редкими исключениями, не ввели его в употребление”³⁹. Из официальной статистики следовало, что в Виленской епархии только 40 священников приняли требники, а 256 отказались, в том числе несколько десятков за выраженный протест были репрессированы⁴⁰.

Одним из величайших успехов, которым Потапов мог похвастаться в политике благоволения православной церкви, была продолжающаяся и поддерживаемая им акция систематического увеличения числа православных церквей и часовен и укрепления их в Литве и Белоруссии приходской сети. В этом отношении он был ревностным продолжателем политики Муравьева, Кауфмана и Баранова, за время правления которых в шести литовско-белорусских губерниях начато строительство 179 новых церквей, капитальный ремонт 114 храмов и адаптация на цели церковные 76 католических церквей, а это означало, что в 1864-1868 годах православная приходская сеть была усилена 255 новыми объектами, из которых около 1/3 ранее принадлежала к католической церкви⁴¹. В первые три года правления Потапова в Литве и Белоруссии началось строительство 130 новых церквей, почти половина из которых была открыта. Ремонтные работы начались в 90 церквях, из которых к 1871 году были завершены на 58 объектах. Всего на строительство и ремонт храмов было выделено в то время около 0,5 млн.

³⁸ РГИА, ф. 821, оп. 125, д. 277, л. 138; М. Долбилов, *Русский край, чужая вера: ...*, с. 620-621. См. тоже: А.П. Владимиров, *История располычения западно-русского костела*, Москва 1896; Д.Н. Чихаев, *Вопрос о располычении костела в прошлом и настоящем*, Санкт Петербург 1913.

³⁹ РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 3723, л. 36-37.

⁴⁰ LVIA, f. 649, ap. 1, d. 2290; M. Radwan, *Polityka rosyjska wobec Kościoła katolickiego ...*, s. 47.

⁴¹ LVIA, f. 378, BS 1868, d. 1582; А. И. Церковно-строительное дело в Северо-Западном крае при гр. М.Н. Муравьеве, Вильна 1913, с. 21; M. Radwan, *Polityka rosyjska wobec Kościoła katolickiego na Litwie i Białorusi (po roku 1863)*, „Symposium. Kościół katolicki na Litwie i Białorusi w XIX i XX wieku”, 1999, nr 1(4), s. 37-38.

рублей. Одновременно в четырех губерниях (Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской) в 1868-1870 годах было ликвидировано 94 церкви и католические часовни, из которых 55 были закрыты по чисто политическим причинам.

К личным заслугам Потапова в работе по пропаганде в Литве и Белоруссии православия следует отнести создание по его инициативе в Вильно в 1869 г. Общества ревнителей православия и благотворителей в Северо-Западном крае⁴².

Однако в эпоху правления Потапова была отменена политика вовлечения католиков в православие. Виленский генерал-губернатор постулировал, что „дело прозелитизма предоставлено исключительно одному Православному духовенству, которому оно принадлежит по праву. Какое бы то ни было вмешательство в это важное дело со стороны администрации отклоняется всеми средствами, как не могущее повлечь за собою никаких благотворных последствий”⁴³. В результате в 1868-1874 годах число перешедших в православие заметно сократилось и составило ок. 4700 человек, что более чем в десять раз меньше, чем за несколько месяцев правления Кауфмана.

Конфессиональная политика виленских генералов-губернаторов в Литве и Беларуси, проведенная в первое десятилетие после поражения Январского восстания задала новое направление в отношениях между государственными учреждениями и населением католического вероисповедания и католической церковью. Это привело к глубоким изменениям в административной структуре и общественно-политическом положении не только католической, но и православной церкви. Она поколебала устоявшуюся десятилетиями религиозную структуру жителей. Достаточно упомянуть, что в рамках укрепления православной церкви к 1874 г. в трех наиболее католических губерниях: Виленской, Гродненской и Ковенской число приходских и филиальных церквей возросло до 858, а православных монашеских собраний из нулевого состояния - до 12. В то же время было ликвидировано около 200 католических религиозных братств, закрыто ок. 150 церквей и несколько десятков монастырей.

Примененные к католической церкви репрессии сильно отразились на конфессиональной структуре жителей. Уже в первой половине 60-х гг. XIX в. в литовско-белорусских губерниях убыло более 108 тыс. католиков. Эти потери были связаны прежде всего с репрессиями, которые были введены в ходе подавления Январского восстания: переселение мелкого дворянства (однодворцев), ссылка в Сибирь, вынужденная эмиграция и т.д. В последующее десятилетие эти потери были не меньше. Только путем конверсии, навязанной правовыми актами и давлением русских властей, в 1865-1874 годах свыше 80 тысяч католиков было вынуждено принять православие. Прозелитов православной церкви искушали привилегиями, финансовыми льготами и дополнительными денежными пособиями.

---

⁴² Устав Общества ревнителей православия и благотворителей в Северо-Западном крае: [Утв. 26 марта 1869 г.], Вильна 1869, с. 1-13; Общество ревнителей православия и благотворителей в Северо-Западном крае. Отчет за 1870-1871 год, Вильна 1871, с. 18.

⁴³ РГИА, ф. 1263, оп. 4, д. 46, л. 42-43. См. тоже: Н.Д. Извеков, Некоторые черты деятельности митрополита Макария (Булгакова) по управлению Литовской епархией, „Богословский Вестник” 1892, № 12, с. 411-434.

Еще большие потери понесли церковное имущество и духовенство. После ликвидации Минской епархии, католических приходов, церквей и монастырей значительно уменьшилась группа монахов, священников и выпускников духовных семинарий. Католическое духовенство поощрялось покидать страну или сталкивалось с многочисленными препятствиями при проведении религиозных служб.

Противоположные цели и задачи ставились перед православной церковью. Российские власти поддерживали создание новых приходов, строительство церквей, создание монашеских собраний, укрепление социально-экономического положения священников. Форсированная в 1860-е и 1870-е гг. программа возвращения Литвы и Белоруссии к русским корням предполагала, что православная вера станет главной основой построения новой национальной, культурной и государственной идентичности. Самыми большими жертвами реализуемой политической программы стали польское население, польско-латинская культура и католическая церковь.

REFERENCES

Sources:

Lietuvos Valstybės Istorijos Archyvas

fondas 378, ap. BS, 1866, d. 1340, d. 2279; BS 1868, d. 1582

fondas 649, ap. 1, d. 2290

Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii

Fond 109, 1 èkspeditsiya, opis' 40, 1865, delo 77

Fond 543, opis' 1, delo 464

Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv

Fond 797, opis' 37, delo 156

Fond 821, opis' 125, delo 277

Fond 922, opis' 1, delo 243

Fond 1263, opis' 1, delo 3723; opis' 4, delo 46

Fond 1267, opis' 1, delo 27

Fond 1282, opis' 2, delo 346

Fond 1284, opis' 189, delo 1354; opis' 190, delo 84

„Kraj” (Kraków) 1869, nr 29

„Русский Архив” 1885, nr 6

„Новое Время” 1868, № 250; 1869, № 73

Chikhaev D.N., *Vopros o raspolyachenii kostela v proshlom i nastoyashchem*, Sankt Peterburg 1913.

Izvekov N.D., *Nekotorye cherty deyatel'nosti mitropolita Makariya (Bulgakova) po upravleniyu Litovskoy eparkhiy*, „Bogoslovsky Vestnik” 1892, № 12

Litwa pod względem prześladowania w niej rzymsko-katolickiego Kościoła szczególnie w diecezji wileńskiej od roku 1863 do 1872, Poznań 1872

Martynow T. J., *O wprowadzeniu języka rosyjskiego do obrzędów religii katolickiej na Litwie i w Polsce zamierzonym przez rząd moskiewski*, (z franc. tłum. J. Bojarski), Lwów 1874

Milovidov A. I., *Tserkovno-stroitel'noe delo v Severo-zapadnom krae pri gr. M.N. Muravyeve*, Vil'na 1913

Milovidov A.I., *Rasporyazheniya i perepiska gr. M.N. Muravyeva otnositel'no rimsko-katolicheskogo dukhovenstva v Severo-Zapadnom krae*, Vil'na 1910

O proizvodstve dobrovochnogo zhalovaniya Zakonouchitelyam Pravoslavnogo ispovedaniya v uchebnykh

zavedeniyakh vedomstva Ministerstva Narodnogo Prosveshcheniya v Zapadnom krae, „Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe”, t. 41, Otdelenie 1, 1866, Sankt-Peterburg 1868, № 43335.

Obshchestvo revniteley pravoslaviya i blagotvoriteley v Severo-Zapadnom krae. Otchet za 1870-1871 god, Vil'na 1871.

Otchet grafa M.N. Muravyeva po upravleniyu Severo-Zapadnym kraem s 1 Maya 1863 g. po 17 Aprelya 1865 g. [Vil'na 1865?].

Ustav Obshchestva revniteley pravoslaviya i blagotvoriteley v Severo-Zapadnom krae: [Utv. 26 marta 1869 g.], Vil'na 1869.

Vladimirov A.P., *Istoriya raspolyacheniya zapadno-russkogo kostela*, Moskva 1896.

Vladimirov A.P., *Iz noveyshey letopisi Severo-Zapadnoy Rossii*. (1865 g.), „Russkaya Starina” 1885, №10.

Studies:

Bendin A. Yu., *Problemy veroterpimosti v Severo-Zapadnom krae Rossiyskoy imperii (1863-1914 gg.)*, Minsk 2010.

Boudou A., *Stolica Święta a Rosja. Stosunki dyplomatyczne między niemi w XIX stuleciu*, t. Z. Skowrońska, t. 2, 1848-1883, Kraków 1930.

Dolbilov M., *Russky kray, chuzhaya vera: ètnokonfessional'naya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II*, Moskva 2010.

Ganchar A. I., *Rimsko-katolicheskaya tserkov' v Belarusi (ot. pol. KhKh - nach. KhKh vv.)*. Istorichesky ocherk: monografiya, Grodno 2010.

Nitecki P., *Biskupi Kościoła w Polsce w latach 965-1999. Słownik biograficzny*, Warszawa 2000.

Olszamowska-Skowrońska Z., *U źródeł rusyfikacji Kościoła na Litwie po r. 1863*, „Przegląd Powszechny” 1931, t. 189; 1931, t. 190

Przybyszewski J., *Język rosyjski w katolickim rytuale i w dodatkowym nabożeństwie*, Lwów 1897.

Radwan M., *Polityka rosyjska wobec Kościoła katolickiego na Litwie i Białorusi (po roku 1863)*, „Symposium. Kościół katolicki na Litwie i Białorusi w XIX i XX wieku”, 1999, nr 1(4).

Radwan M., *Zakony męskie na ziemiach zabranych w XIX wieku*, Lublin 2004.

Sambuk S., *Polityka tsarizmu v Belorussii vo vtoroy polovine KhKh v.*, Minsk 1980.

Staliunas D., *Kalba ar konfesija? Sumanymas ivesti rusų kalba vakarų krašto pridėtinėse katalikiškose pamaldose*, „Lietuvos istorijos metraštis”, Vilnius 2000.

Staliunas D., *Роль имперской власти в процессе массового обращения католиков в православие в 60-е годы XIX столетия*, „Lietuvių katalikų mokslo akademijos metraštis”, Vilnius, t. 26, 2005.

Titius J., *Ze wspomnień doktora J. Titiusa*, „Przegląd Wileński”, 1922, nr 9-10.

Wiech S., *Depolonizacja Ziem Zabranych (1864-1914). Koncepcje – mechanizmy decyzyjne – realizacja*, t. 1, *Litwa i Białoruś. Od Murawjowa do Baranowa (1864-1868)*, Kielce 2018.

Wiech S., *Epoka reakcji i „pieriedyszki”*. Wileńscy generałowie-gubernatorzy wobec problemu polskiej własności ziemskiej w latach 1864-1884, „Kwartalnik Historyczny”, t. 115, 2008, nr 2.

Wiech S., *Kasata klasztorów w Królestwie Polskim w 1864 r. w świetle wspomnień i relacji Dimtrija Anuczina*, [w:] *Życie zakonne w Królestwie Polskim w latach 1832-1864. Polityka caratu – Kasaty – Represje*, red. ks. W. Graczyk, J. M. Marszałska, Kraków 2015.

Wiech S., *U źródeł drugiego Komitetu Zachodniego. Sprawa polska na Ziemiach Zabranych w latach 1860-1862*, „Studia z Dziejów Rosji i Europy Środkowo-Wschodniej”, 2019, t. 54, z. 1.

Wodzianowska I., *Wytyczne Komisji do spraw duchowieństwa w sprawie zwalczania katolicyzmu w generał-gubernatorstwie wileńskim (1866-1868)*, [w:] *Kościół a państwo na pograniczu polsko-litewsko-białoruskim. Źródła i stan badań*, red. M. Kietliński, K. Sychowicz, W. Śleszyński, Białystok 2005.